

·thebigbook·

ДИН КУНЦ

СКОРОСТЬ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 91

Dean Koontz
VELOCITY

Copyright © 2005 by Dean Koontz
This edition published by arrangement
with InkWell Management LLC
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Виктора Вебера

Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-17044-5

© В. А. Вебер, перевод, 2006
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Эта книга посвящается
Донни и Стиву Дунио, Вито и Линн Церра,
Россу и Розмари Церра.
Никак не могу понять,
почему Герда всегда говорит мне «да».
Но теперь в вашей семье появилась безуминка*

Человека можно уничтожить, но не победить.

Эрнест Хемингуэй. Старик и море

И теперь вы живете, расплзшись по резиновым дорогам,
И ни один человек не знает, да ему и без разницы,

кто его сосед.

Если только сосед не начинает причинять слишком много
хлопот,

Но все мечутся туда-сюда в своих моторных автомобилях,
Знакомые с дорогами и нигде не осевшие.

Т. С. Элиот, рефрен из «Скалы»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЫБОР ЗА ТОБОЙ

Глава 1

Широко улыбаясь, Нед Пирсолл поднял стакан пива, помянув умершего соседа, Генри Фриддла, смерть которого крайне его порадовала.

Убил Генри садовый гном. Сосед свалился с крыши своего двухэтажного дома на эту забавную фигурку. Гнома сделали из бетона. Генри — нет.

Сломанная шея, разбитый череп — Генри скончался на месте.

Гном убил Фриддла четыремья годами раньше. Нед Пирсолл по-прежнему поминал соседа, как минимум раз в неделю.

И теперь какой-то приезжий турист — кроме него и Неда, у барной стойки красного дерева никого не было — любопытствовал, чем вызвана столь сильная вражда.

— Вероятно, этот бедняга был уж очень плохим соседом, если вы злитесь на него и через четыре года после его смерти.

Обычно Нед такой вопрос пропускал мимо ушей. Приезжие привлекали его внимание еще меньше, чем претцели¹.

На стойке красовались три миски претцелей, потому что стоили крендельки дешево. Нед предпочитал поддерживать жажду хорошо посоленным арахисом.

¹ *Претцель* — сухой кренделек. Подсоленные претцели идут под пиво.

Чтобы Нед не забывал про чаевые, Билли Уайлс, хлопотавший за стойкой, иногда давал ему пакетик «Плантерс».

Но чаще всего Неду приходилось платить за орешки. Его это мучило — то ли потому, что он не понимал экономических принципов функционирования таверны, то ли потому, что мучиться ему нравилось, и, вероятно, второй вариант был ближе к истине.

Несмотря на круглую голову, напоминающую мяч для сквоша, и широкие, круглые плечи борца сумо, Нед мог считаться спортсменом только в том случае, если бы соревнования проводились по ссорам в баре. Тут он мог претендовать на олимпийское «золото».

Впрочем, когда речь заходила о покойном Генри Фриддле, Нед мог поговорить как с туристами, так и со старожилами Виноградных Холмов. Впрочем, если, как и теперь, у стойки, кроме него, сидел только один незнакомец, Нед находил молчание более уместным, чем разговор с «заезжим дьяволом».

Билли болтать не любил, не относился к тем барменам, которые воспринимают стойку, за которой они священнодействуют, как сцену. Он был слушателем.

Приезжему Нед заявил:

— Генри Фриддл был свиньей.

— Свинья — это сильное слово, — ответил приезжий с черными, словно угольная пыль, волосами, чуть тронутыми на висках сединой, яркими серыми глазами и звучным голосом.

— Вы знаете, что этот извращенец делал на крыше? Пытался поссать на окна моей столовой.

— Кем он был, аэрокосмическим инженером? — спросил приезжий.

— Профессором колледжа. Преподавал современную литературу.

— Возможно, чтение и довело его до самоубийства, — предположил незнакомец, отчего Билли решил, что он — более интересный человек, чем показалось на первый взгляд.

— Нет-нет, — возразил Нед. — Падение было случайным.

— Он был пьян?

— Почему вы подумали, что он был пьян? — спросил Нед.

Незнакомец пожал плечами:

— Он же залез на крышу, чтобы помочиться на ваши окна.

— Он был больным человеком, — объяснил Нед и постучал пальцем по пустому стакану, показывая Билли, что хочет повторить.

— Генри Фридл помешался на мести, — добавил Билли, наливая «Будвайзер» из крана.

Посоветовавшись с содержимым своего стакана, турист спросил Неда Пирсолла:

— На мести? То есть сначала вы помочились на его окна?

— Там все было по-другому. — Тон Неда явственно давал понять незнакомцу, что не стоит делать скоропалительных выводов.

— Нед сделал это не с крыши, — уточнил Билли.

— Совершенно верно. Я подошел к его дому как мужчина, встал на его лужайке и пустил струю в окна его столовой.

— Генри и его жена в это время обедали, — последовал комментарий Билли.

Поскольку туристу могло не понравиться выбранное для агрессии время, Нед сказал:

— Они ели перепелок, черт бы их побрал.

— Так вы оросили их окна, потому что они ели перепелок?

Нед раздраженно фыркнул:

— Нет, разумеется, нет! Или вы принимаете меня за сумасшедшего? — И, посмотрев на Билли, закатил глаза.

Билли вскинул брови, как бы говоря: «А чего, собственно, ждать от заезжего туриста?»

— Я просто пытался показать, какие они выпендренные, — заявил Нед. — Всегда ели перепелок, или улиток, или свеклу листовую.

— Пустозвоны. — В голосе незнакомца слышалась легкая усмешка, которую уловил Билли, но не Нед.

— Именно, — подтвердил Нед. — Генри Фридли ездил на «ягуаре», а его жена — на автомобиле, вы не поверите, автомобиле, сделанном в Швеции.

— Детройт для них — слишком банально, — ввернул незнакомец.

— Именно. Представляете себе, каким нужно быть снобом, чтобы привезти автомобиль из Швеции?

— Как я понимаю, они еще и отдавали предпочтение вину, — предположил турист.

— Естественно! Вы их знали или как?

— Просто знаю такой тип людей. И книг у них было много.

— Полный дом! — воскликнул Нед. — Они сидели на крыльце, приноживались к вину и читали книги.

— Прямо у всех на глазах. Подумать только! Но если вы помочились на окна их столовой не потому, что они были снобами, то почему?

— По тысяче причин, — заверил его Нед. — Тот случай со скунсом. С удобрениями для лужайки. Засохшие петунии.

— И садовый гном, — поддакнул Билли, который мыл стаканы в раковине.

— Садовый гном стал последней каплей, — согласился Нед.

— Я бы еще понял, если бы вас подтолкнули на поливание мочой их окон розовые пластмассовые фламинго, — сказал незнакомец, — но, признаюсь честно, только не гном.

Нед нахмурился, вспомнив нанесенное ему оскорбление:

— Ариадна дала ему мое лицо.

— Какая Ариадна?

— Жена Генри Фридла. Вы когда-нибудь слышали более вычурное имя?

— Ну, фамилия Фридл делает его более приземленным.

— Она была профессором прикладного искусства в том же колледже. Слепила гнома из воска, сделала литейную форму, залила бетоном, потом сама его раскрасила.

— Создание скульптуры, для которой вы послужили моделью, можно считать за честь.

Пивная пена на верхней губе Неда только добавила ярости его лицу.

— Это был гном, дружище. Пьяный гном. С красным, как яблоко, носом. В каждой руке он держал по бутылке пива.

— И ширинка у него была расстегнута, — добавил Билли.

— Спасибо, что напомнил, — пробурчал Нед. — Хуже того, из штанов торчала голова и шея дохлого гуся.

— Какое творческое воображение, — отреагировал турист.

— Поначалу я не понял, что, черт побери, все это означает...

— Символизм. Метафора.

— Да-да. Я до этого допер. Каждый, кто проходил мимо их участка, видел этого гнома и смеялся надо мной.

— Для этого не было необходимости смотреть на гнома, — заметил турист.

Нед, не поняв его, согласился:

— Да. Люди смеялись, даже услышав о нем. Поэтому я разбил гнома кувалдой.

— И они подали на вас в суд.

— Хуже. Они поставили второго гнома. Предположив, что первого я разобью, Ариадна отлила второго и раскрасила его.

— Я думал, жизнь в вашей винной стране тихая и спокойная.

— Потом они мне сказали, — продолжил Нед, — что поставят третьего гнома, если я разобью второго, а еще сделают целую партию и продадут всем, кто захочет иметь гнома «Нед Пирсолл».

— Звучит как пустая угроза, — покачал головой турист. — Неужели нашлись бы люди, которые такое купили?

— Десятки, — заверил его Билли.

— Город стал злее с тех пор, как к нам зачастили приезжие из Сан-Франциско, — тяжело вздохнул Нед.

— И поскольку вы не решились поднять кувалду на второго гнома, вам не осталось ничего другого, как помочиться на их окна.

— Именно. Но я сделал это не с бухты-баракты. Неделю обдумывал свои действия. А уж потом обдал их окна, словно из брандспойта.

— И после этого Генри Фриддл залез на крышу с полным мочевым пузырем, чтобы восстановить справедливость.

— Да. Но он подождал, пока я устроил обед в честь дня рождения моей мамы.

— Непростительно, — вынес вердикт Билли.

— Разве мафия нападает на невинных членов семей своих врагов? — негодуя спросил Нед.

И хотя вопрос был риторическим, Билли счел необходимым позаботиться о чаевых:

— Нет, мафия знает, что такое честь.

— Это слово профессора колледжа не могут даже произнести по буквам! — фыркнул Нед. — Маме было семьдесят шесть. У нее мог случиться сердечный приступ.

— То есть, — уточнил турист, — пытаюсь помочиться на окна вашей столовой, Фриддл упал с крыши и сломал шею о гнома «Нед Пирсолл». Ирония судьбы.

— Насчет иронии не знаю, — ответил Нед, — но я испытал чувство глубокого удовлетворения.

— Расскажи ему, что сказала твоя мама, — попросил Билли.

Отхлебнув пива, Нед откликнулся на просьбу бармена:

— Мама сказала мне: «Дорогой, восславим Господа, это доказательство того, что Он есть».

Турист несколько секунд переваривал слова матери Неда.

— Похоже, она религиозная женщина.

— Такой она была не всегда, но в семьдесят два года заболела пневмонией.

— В такой момент очень неплохо иметь Бога на своей стороне.

— Она решила: если Бог есть, Он, возможно, ее спасет. А если Его не существует, то она всего лишь впустую потратит какое-то время на молитвы.

— Время — это самое дорогое, что у нас есть, — заметил турист.

— Правильно, — согласился Нед. — Но мама потратила не так уж много времени, потому что в основном молилась, когда смотрела телевизор.

— Какая захватывающая история. — И турист заказал пива.

Билли открыл бутылку «Хайнекена», поставил перед незнакомцем чистый охлажденный стакан, наклонился над стойкой и прошептал:

— Это за счет заведения.

— Как мило с вашей стороны. Благодарю. Я-то думал, что вы слишком спокойны и молчаливы для бармена, но теперь, возможно, понимаю почему.

Нед Пирсолл, который сидел в некотором отдалении, поднял стакан, чтобы произнести еще один тост:

— За Ариадну. Пусть покоится с миром.

Возможно, турист и не хотел продолжать разговор, но после такого тоста не мог не спросить:

— Неужто еще одна жертва гнома?

— Рак. Через два года после того, как Генри упал с крыши. Я не хотел, чтобы для нее все так закончилось.

Наливая пиво в наклоненный стакан, чтобы избежать появления высокой пены, незнакомец изрек:

— Смерть умеет решать наши мелкие проблемы.

— Мне ее недостает, — признался Нед. — Такая бы-
ла красавица и бюстгальтер надевала далеко не всегда.

Туриста передернуло.

— Бывало, она работала в саду или прогуливала собаку, — мечтательно вспоминал Нед, — а груди у нее так перекатывались, что аж дух захватывало.

Турист посмотрел на свое отображение в зеркале — возможно, чтобы убедиться, что на лице виден тот самый ужас, который он испытывал.

— Билли, ведь такие буфера, как были у нее, редко у кого увидишь, — сказал Нед бармену.

— Согласен, — кивнул Билли.

Нед слез со стула, направился к мужскому туалету, остановился около туриста:

— Даже когда рак иссушил ее, буфера остались прежними. Она худела, а они словно прибавляли в размерах. Почти до самого конца она выглядела такой соблазнительной. Так жаль, что ее не стало, не правда ли, Билли?

— Очень жаль, — согласился бармен, и Нед проследовал к мужскому туалету.

Затянувшуюся паузу нарушил турист:

— Вы интересный парень, Билли-бармен.

— Я? Никогда не мочился на окна соседей.

— Думаю, вы — как губка. Впитываете в себя все.

Билли взял полотенце, принялся протирать стаканы, ранее вымытые и высушенные.

— Но при этом вы и камень, — продолжил турист, — потому что, если вас сжать, ничего выдавить не удастся.

Билли продолжал полировать стаканы.

Серые глаза, и без того яркие, заблестели еще сильнее.

— Вы — человек с принципами, а это редкость в наши дни, когда большинство людей не знают, кто они такие, во что верят и почему.

К подобным монологам Билли тоже привык, хотя, надо признать, слышать их ему доводилось нечасто. В отличие от Неда Пирсолла, произносить такие монологи мог только эрудит, но в принципе это был все тот же пивной психоанализ.

Он испытывал разочарование. На какой-то момент ему показалось, что этот незнакомец отличается от других двушеких нагревателей, которые повышали температуру вина высоких стульев у стойки.

Улыбаясь, Билли покачал головой:

— Принципы. Вы мне льстите.

Турист маленькими глотками пил «Хайнекен».

И хотя Билли больше не собирался ничего говорить, он услышал собственный голос:

— Не высовывайся, сохраняй спокойствие, ничего не усложняй, не ожидай многого, наслаждайся тем, что есть.

Незнакомец улыбнулся:

— Будь самодостаточным, ни во что не вмешивайся, позволь миру катиться в ад, если ему того хочется.

— Возможно, — не стал спорить Билли.

— Это, конечно, не Платон, — сказал турист, — но тоже определенная философия.

— А у вас есть своя? — полюбопытствовал Билли.

— В данный момент я верю, что моя жизнь станет лучше, если мне удастся избежать продолжения разговора с Недом.

— Это не философия, — улыбнулся Билли. — Это факт.

В десять минут пятого Айви Элгин пришла на работу. Она была официанткой, такой же, как любая другая, и объектом желания, какие встречаются крайне редко.

Билли Айви нравилась, но желания трахнуть ее он не испытывал. И вот это превращало его в уникала среди тех мужчин, которые работали и пили в таверне.

У Айви были рыжие волосы, ясные глаза цвета бренди и фигура, которую всю жизнь искал Хью Хефнер¹.

В свои двадцать четыре года она вроде бы и не подозревала о том, что для каждого видящего ее мужчины является фантазией во плоти. Никогда никого не пыталась соблазнить. Иногда флиртовала, но исключительно в шутку.

Ее красота и нравственность церковной хористки создавали столь эротичную комбинацию, что от одной ее улыбки мужчина превращался в податливый пластилин.

— Привет, Билли, — поздоровалась Айви, направляясь к стойке. — Я видела дохлого опоссума на Олд-Милл-роуд, примерно в четверти мили от Корнелл-лейн.

— Умер сам или его раздавили?

— Естественно, раздавили.

— И что, по-твоему, это означает?

— Пока ничего особенного. — Она протянула ему сумочку, чтобы он положил ее под стойку. — Это первый труп, который я видела за неделю, так что все зависит от того, какие еще трупы будут появляться, если будут.

Айви верила, что она гаруспик. Гаруспиками в Древнем Риме назывались жрецы, которые определяли волю богов по внутренностям животных, принесенных в жертву.

Другие римляне их уважали, им даже поклонялись, но, скорее всего, на вечеринки приглашали нечасто.

Айви в крайности не бросалась. Предсказание будущего по трупам не являлось главным в ее жизни. С посетителями таверны она говорила об этом крайне редко.

Опять же слабость желудка не позволяла ей копаться во внутренностях. Для гаруспика она была слишком уж брезгливой.

¹ Хефнер, Хью (р. 1926) — основатель журнала «Плейбой» (1953), в первом номере которого был напечатан календарь с фотографией обнаженной Мэрилин Монро.

Вместо этого она искала некое значение в обстоятельствах, при которых столкнулась с трупами, в положении каждого из этих самых трупов относительно сторон света и в других скрытых для непосвященных аспектах их состояния.

Ее предсказания сбывались крайне редко, если вообще сбывались, но Айви не сдавалась.

— Во что бы это ни вылилось, — она взяла блокнот и карандаш, — знак дурной. От мертвого опоссума не приходится ждать ничего хорошего.

— Я это заметил.

— Особенно если он лежит носом на север. А хвостом — на восток.

Страдающие жаждой мужчины повалили в таверну вслед за Айви, словно она была оазисом, к которому они шли весь день. Только считанные сели у стойки. Остальные заставляли ее метаться от столика к столику.

Хотя клиенты таверны (главным образом представители среднего класса) деньгами не сорили, доход Айви от чаевых наверняка превосходил ее жалование в том случае, если бы она защитила докторскую диссертацию по экономике.

Часом позже, в начале шестого, появилась Ширли Трублад, вторая вечерняя официантка. Пятидесяти шести лет от роду, крупная, благоухающая жасминовыми духами, Ширли имела своих поклонников. В барах хватало мужчин, которым недоставало материнской заботы. Женщин, впрочем, тоже.

Бен Вернон, дневной повар блюд быстрого приготовления, ушел домой. Вахту принял Рамон Падильо, вечерний повар. Таверна предлагала только такие блюда: чизбургеры, картофель фри, жареные кольца лука, кесадила¹, начо...²

¹ *Кесадила* — пирожок из кукурузной муки с сыром (мясом).

² *Начо* — тортилья (небольшая лепешка, запеченная с сыром и перченым соусом).

Рамон заметил, что в те вечера, когда работала Айви, острые блюда продавались в куда большем количестве, чем когда ее в таверне не было. Посетители отдавали предпочтение соусу томатильо, брали табаско, просили к бургерам нарезанный острый перец.

— Я думаю, — как-то Рамон поделился с Билли своими наблюдениями, — они подсознательно разогревают свои половые железы на случай, если она согласится пойти с кем-то из них.

— С Айви ни у кого нет ни шанса, — заверил его Билли.

— Как знать, — игриво возразил Рамон.

— Только не говори мне, что и ты закусываешь перчиками.

— Ем их так много, что иногда не знаю, куда деться от изжоги, — ответил Рамон. — Но зато я всегда готов.

Вместе с Рамоном пришел вечерний бармен, Стив Зиллис. Один час они всегда работали вместе, их смены накладывались друг на друга. В свои двадцать четыре, на десять лет моложе Билли, в зрелости он отставал лет на двадцать.

Для Стива вершиной изощренного юмора был столь похабный анекдот, что от него краснели даже взрослые мужчины.

Он мог языком завязать в узел черенок вишни, зарядить правую ноздрю арахисом и точно отправить орешек в стакан-цель, а еще — выдувать сигаретный дым из правого уха.

Как обычно, Стив перепрыгнул через дальний конец стойки, вместо того чтобы войти где положено.

— Все нормально, кемосабе?¹ — задал он свой фирменный вопрос.

— Еще час, и я снова стану хозяином своей жизни.

¹ *Кемосабе* — в американской радиопостановке 1930-х годов «Одинокий рейнджер» так обращается индеец Тонто к рейнджеру Рейду.

— Вот где жизнь, — запротестовал Зиллис. — Центр существования.

В этом и была трагедия Стива Зиллиса: он верил в то, что говорил. Для него обыкновенная таверна была сверкающим кабаре.

Завязав фартук, он выхватил из вазы три оливки, подбросил в воздух одну за другой. А потом поймал ртом.

Когда двое пьяниц, сидевшие у стойки, захопали, Стив наслаждался их аплодисментами ничуть не меньше, чем тенор со звездным статусом наслаждается овацией взыскательной публики в Метрополитен-опера.

Несмотря на присутствие за стойкой Стива Зиллиса, последний час смены Билли пролетел быстро. Посетителей в таверне было много, так что работы хватало обоим барменам: коротающие здесь вторую половину дня не спешили домой, да еще прибывали любители вечерней выпивки.

Если таверна и нравилась Билли, то, пожалуй, именно в это время. Посетители еще могли изъясняться связно, и настроение у них было лучше, чем в более поздний час, когда алкоголь ввергал их в глубокую меланхолию.

Поскольку окна выходили на восток, а солнце скатывалось к западному горизонту, дневной свет окрашивал интерьер в мягкие тона. Потолок светился медью над стенными панелями и кабинками красного дерева.

Пахло пивом, свечным воском, чизбургерами, жареным луком.

Однако Билли не любил таверну так сильно, чтобы задерживаться на рабочем месте после смены. Ушел он ровно в семь.

Будь он Стивом Зиллисом, то устроил бы из своего ухода целое представление. Вместо этого отбыл незаметно, как дематериализовавшийся призрак.

Снаружи от летнего дня оставались какие-то два часа. Небо на востоке было ярко-синим, как на карти-

нах Максфилда Пэрриша¹, и светло-синим на западе, где его еще отбеливало солнце.

Подходя к своему «форду эксплореру», Билли заметил белый бумажный прямоугольник, подсунутый под дворник со стороны водителя.

Сев за руль, еще с открытой дверцей, он развернул бумажку, рассчитывая увидеть рекламу мойки автомобилей или предложение по уборке квартиры. Вместо этого обнаружил аккуратно напечатанное послание:

«Если ты не обратишься в полицию и они не начнут расследование, я убью симпатичную блондинку-учительницу где-то в округе Напа.

Если ты обратишься в полицию, вместо нее я убью пожилую женщину, активно занимающуюся благотворительностью.

У тебя есть шесть часов, чтобы принять решение. Выбор за тобой».

В тот момент Билли не почувствовал, что земля уходит у него из-под ног, но она ушла. В самом скором времени его жизни предстояло радикальным образом перемениться.

Глава 2

Микки-Маус получил пулю в горло.

Пистолет калибра 9 мм громыхнул еще трижды, в быстрой последовательности, превратив в месиво мордочку Дональда Дака.

Лэнни Олсен, стрелок, жил в конце двухполосной асфальтовой дороги, под каменистым склоном, на котором не мог расти виноград. И из окон его дома не открывался вид на сказочную долину Напа.

¹ *Пэрриш, Максфилд Фредерик* (1870–1966) — известный американский художник и иллюстратор.

Немодный адрес компенсировался тем, что участок окружали прекрасные сливовые деревья и огромные вязы, под которыми росли яркие дикие азалии. Не говоря уже об уединении.

Ближайший сосед жил на таком расстоянии, что Лэнни мог устраивать вечеринки в режиме нон-стоп изо дня в день, двадцать четыре часа в сутки, и никого бы не побеспокоил. Лэнни от этого проку не было никакого, потому что обычно он ложился спать в половине десятого. Для него понятие «вечеринка» заключалось в ящике пива, чипсах и покере.

Однако местоположение дома способствовало тому, что он смог устроить на участке тир. Так что в управлении шерифа ни у кого не было такой стрелковой практики.

Мальчиком он хотел стать художником-мультипликатором. У него был талант. Портреты диснеевских Микки-Мауса и Дональда Дака, по которым стрелял Лэнни, он нарисовал сам.

Вынимая из пистолета пустую обойму, Лэнни повернулся к Билли:

— Тебе следовало приехать сюда вчера. Я подряд прострелил головы двенадцати Бегающим Кукушкам.

— Злобный Койот¹ пришел бы в восторг, — ответил Билли. — Ты когда-нибудь стреляешь по обычным мишеням?

— А какое в этом удовольствие?

— Ты стреляешь и в Симпсонов?

— В Гомера, Барта... во всех, кроме Мардж. В Мардж — никогда.

Лэнни мог бы поступить в художественную школу, если бы его властный отец, Энсел, не решил, что сын должен пойти по стопам родителя и стать полицейским, точно так же как сам Энсел пошел работать в полицию по стопам своего отца.

¹ *Бегающая Кукушка и Злобный Койот* — персонажи серии мультфильмов киностудии «Уорнер бразерс».

Перл, мать Лэнни, поддерживала сына, насколько позволяло ее слабое здоровье. Когда Лэнни исполнилось шестнадцать, у Перл обнаружили злокачественное заболевание лимфатической системы.

Радиационная терапия и лекарства отнимали у нее последние силы. Даже в периоды ремиссии она испытывала постоянную слабость.

Прекрасно понимая, что отец — никудышная сиделка и медсестра, Лэнни не поехал в художественную школу, остался дома, поступил в полицию и ухаживал за матерью.

Но так уж вышло, что первым умер Энсел. Он остановил водителя за превышение скорости, а водитель остановил его, выстрелив в упор из пистолета калибра 0,38 дюйма.

Заболев лимфомой в необычно молодом возрасте, Перл прожила с ней на удивление долго. И умерла только десять лет назад, когда Лэнни исполнилось тридцать шесть.

Он был еще достаточно молод, чтобы сменить профессию и поступить в художественную школу. Инерция, однако, оказалась сильнее желания начать новую жизнь.

Он унаследовал дом, красивый викторианский особняк с верандой вокруг, который поддерживал в безупречном состоянии. Работа не стала для Лэнни еще и хобби, семьи не было, поэтому у него оставалось достаточно свободного времени, которое он и уделял дому.

Когда Лэнни вставил в рукоятку пистолета новую обойму, Билли достал из кармана листок с отпечатанным на нем посланием:

— Что ты на это скажешь?

Лэнни читал, а вороны, воспользовавшись паузой в стрельбе, вернулись на верхние ветви окрестных вязов.

Прочитав текст, Лэнни не нахмурился, не улыбнулся, хотя Билли ожидал если не первого, то второго.

— Где ты это взял?
— Кто-то сунул мне этот листок под дворник на лобовом стекле.
— Где стоял автомобиль?
— Около таверны.
— Листок лежал в конверте?
— Нет.
— Кто-нибудь наблюдал за тобой? Я хочу сказать, когда ты доставал листок из-под дворника и читал записку?

— Никто.
— И что ты на это скажешь?
— Этот вопрос я задал тебе, — напомнил Билли.
— Чья-то проказа. Шутка с дурным вкусом.
Билли посмотрел на аккуратные строчки:
— Поначалу я тоже так подумал, но потом...
Лэнни шагнул в сторону, повернулся к полноразмерным рисункам Элмера Фудда и Багса Банни.
— Потом ты задался вопросом: «А что, если?..»
— Разве у тебя его не возникло?
— Будь уверен. Каждый коп им задается постоянно, иначе он умирает раньше, чем ему хотелось бы. Или начинает стрелять, когда не следует.

Не так уж и давно Лэнни ранил агрессивного пьяницу, решив, что тот вооружен. Но вместо пистолета у парня в кармане лежал сотовый телефон.

— Но ты не можешь вечно задавать этот вопрос, — продолжил Лэнни. — И тебе приходится полагаться на интуицию. А интуиция у тебя такая же, как у меня. Это чья-то злая шутка. Кроме того, ты представляешь себе, кто мог это сделать?

— Стив Зиллис, — ответил Билли.
— Бинго!

Лэнни изготовился для стрельбы. Правую ногу чуть сдвинул назад, левую согнул в колене, обеими руками взялся за пистолет. Глубоко вдохнул и пять раз выстрелил в Элмера, сорвав ворон с вязов и отправив их высоко в небо.

Насчитав четыре смертельные раны и одну тяжелую, Билли сказал:

— Проблема в том... не похоже это на все, что делал Стив... или может сделать.

— Почему?

— Он из тех, кто готов носить в кармане резиновый пузырь, чтобы громко пернуть, если решит, что это будет забавно.

— То есть?

Билли сложил листок с отпечатанным текстом и убрал в нагрудный карман рубашки.

— Для Стива это слишком сложно, слишком... тонко.

— Да, с тонкостью у нашего Стива не очень, — согласился Лэнни.

В наступившей тишине он разрядил оставшуюся половину обоймы в Багса, нанеся ему пять смертельных ранений.

— А если так и произойдет? — спросил Билли.

— Не произойдет.

— Но если?

— Маньяки-убийцы играют в такие игры только в кино. В реальной жизни они просто убивают. Власть над людьми — вот что им нужно, власть и иногда сексуальное насилие, а не загадки и шарады.

В траве блестели отстрелянные гильзы. Снижающееся к западному горизонту солнце окрашивало медные цилиндры в кроваво-золотой цвет.

Понимая, что развеять сомнения Билли не удалось, Лэнни продолжил:

— Но даже если так и будет, чего точно не будет, что можно сделать, исходя из этой записки?

— Учительницы-блондинки, пожилые женщины.

— Где-то в округе Напа.

— Да.

— Округ Напа — не Сан-Франциско, — заметил Лэнни, — но и не безлюдная местность. Множество людей во множестве городков. Управлению шерифа

и всем прочим правоохранительным ведомствам округа не хватит сил, чтобы прикрыть всех.

— Всех прикрывать не нужно. Он обозначил цель: красивая блондинка-учительница.

— Это вопрос вкуса, — возразил Лэнни. — Та блондинка-учительница, которую ты сочтешь красавицей, мне может показаться уродиной.

— Я не представлял себе, что у тебя такие высокие стандарты, когда дело касается женщин.

Лэнни улыбнулся:

— Я разборчив.

— И потом, пожилая женщина, которая активно занимается благотворительностью.

Лэнни загнал в рукоятку третью обойму.

— Множество пожилых женщин активно занимаются благотворительностью. Они из того поколения, которое заботилось о соседях.

— Так ты ничего не собираешься предпринять?

— А что, по-твоему, я должен сделать?

Билли ничего не предложил, лишь отметил:

— Вроде бы мы должны что-то сделать.

— По своей сущности, полиция реагирует, а не упреждает.

— То есть сначала он должен кого-то убить.

— Он никого не собирается убивать.

— Он пишет, что убьет, — запротестовал Билли.

— Это шутка. Стив Зиллис наконец-то перерос пластиковую блевотину на полу.

Билли кивнул:

— Возможно, ты прав.

— Я уверен, что прав. — Лэнни указал на яркие фигуры, оставшиеся на стене из тройного слоя тюков с сеном. — Перед тем как сумерки помешают прицельной стрельбе, я хочу разобраться с персонажами «Шрека».

— Я думал, это хороший фильм.

— Я — не критик, — нетерпеливо бросил Лэнни, — просто человек, который хочет поразвлечься и отточить навыки, способные помочь в работе.

Кунц Д.

К 91 Скорость : роман / Дин Кунц ; пер. с англ. В. Вебера. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 352 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-17044-5

«Если ты не обратишься в полицию, я убью блондинку-учительницу... Если ты обратишься в полицию, вместо нее я убью пожилую женщину, занимающуюся благотворительностью. У тебя есть шесть часов, чтобы принять решение. Выбор за тобой».

Очень уж походили на глупую злую шутку слова на листке бумаги, прикрепленном к ветровому стеклу машины Билли Уайлса, бармена из захолустного калифорнийского городка. Но кошмар, изложенный на бумаге, действительно становится явью. Учительница мертва. Дальше — новая записка и новый смертельный срок. Теперь он знает, что с ним не шутят. «Выбор за тобой», Билли. И он принимает вызов.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

ДИН КУНЦ
СКОРОСТЬ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.08.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 15,51.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBB-25532-01-R